

Е.В. Беляева

УДК 17.031

Трактовка поступка в этике ответственности

Аннотация. Статья посвящена трактовке категории «поступок» в этике ответственности. Она занимает важное место и увязывается с такими ключевыми категориями данного типа теории морали, как онтология субъекта, Другой, рефлексивность, дискурс. Поступок здесь осмысливается феноменологически, онтологически, дискурсивно, на основе принципа методологического индивидуализма. Это позволяет придать поступку значимый категориальный статус и, одновременно, внести в этику поступка существенный вклад, связанный с преодолением противоположности морального мышления и нравственного действия.

Ключевые слова: этика ответственности, поступок, онтология субъекта, Другой, методологический индивидуализм, рефлексивность, дискурс.

Поступок регулярно становится объектом этического исследования, так как вокруг этого феномена концентрируется целый ряд проблем, представляющих интерес как в концептуальном, так и в нормативном плане. Тем более разговор о природе и значимости моральных поступков является важнейшей составляющей нравственного воспитания. В море литературы по данной тематике следует выделить фундаментальную книгу Г.Л. Тульчинского «Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе» [14], уже само название которой акцентирует ее актуальность для нравственных поисков современного человека и задает ракурс рассмотрения, сопряженный с этикой ответственности.

Под этикой ответственности понимается специфический тип теории морали, который отличается от этики долга и этики блага [3]. Он сложился на протяжении XX века и поставил в центр системы этических категорий понятие ответственности, связав его со специфической онтологией морального субъекта (М. Вебер, Т. Адорно, М.М. Бахтин, Ж.-П. Сартр, Э. Левинас, К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Г. Йонас, П. Рикёр). Хотя данные мыслители не образуют единого философского направления, общей методологической основой для них стала широко понимаемая феноменология. Не у всех из них поступок находился в центре рассмотрения, как это было в раннем творчестве М.М. Бахтина, однако ряд выдвинутых ими идей, касающихся природы ответственности, концентрируются именно вокруг феномена поступка. Поэтому целью данной статьи стала экспликация категории

«поступок» в контексте этики ответственности и определение его статуса в данной теории морали.

Поступок в контексте феноменологии

Феноменология, стремясь преодолеть субъект-объектную схему философии Нового времени и утверждая изначальное бытие-присутствие субъекта в мире, в области этики помогает преодолеть разрыв между моральным сознанием и нравственной деятельностью, который не могла сократить классическая этика. Деонтологическая этика делала акцент на мотивах нравственного поведения, а утилитаристская – на последствиях, однако в любом случае мораль рассматривалась, как акт сознания, за которым только потом следует акт деятельности. Моральным назывался такой поступок, который мотивировался моральными убеждениями. Этот переход от внутреннего мира субъекта к действиям в мире объектов никогда не был лёгким ни в теоретическом, ни в практическом плане. В результате противоречие намерений и последствий, слова и дела было постоянной темой нравственных проповедей и теоретических рассуждений. Феноменологический же подход предполагает, что субъект в первую очередь бытийствует, находится в ситуации по всей своей полноте, включая сознание и телесность; и слова, и действия разворачиваются в одном пространстве. Моральное мышление, если оно по-настоящему моральное, уже суть поступание. Моральное высказывание как составляющая морального дискурса становится моральным поступком. А собственно деяние и его последствия осмысливаются в уже определенном моральном дискурсе с его нормативно-ценностной матрицей. Таким образом, поступок в феноменологически ориентированных теориях морали рассматривается как центральный моральный феномен, в котором субъективно-мотивационная и объективно-деятельностная стороны морали соприкасаются и укоренены в онтологии субъекта. «Поступок как раз и мыслится таким феноменом, который выступает бытием сущего и одновременно несет в себе, обнаруживает то, что является сущностным в человеческой природе, в человеческом бытии, что связано со смыслом существования, со значимым для человека, находящего себя в переживаниях смысла своего бытия и небытия. Итак, поступки, по определению – это те феномены, которые проявляют сущность человеческого как сущего, существующего в действительности» [12, 515].

Онтология и этика поступка

Одной из характеристик этики ответственности как типа теории морали является тесная до неразличимости связь этики и онтологии,

способом обоснования морали становится онтология морального субъекта, для которого аксиологические и этические характеристики являются определяющими. Она включает такие характеристики бытия субъекта как открытость и нелинейность, способность к самопреобразованию и порождению бытия-события, открытость Другому и коммуникативность, рефлексивность, способность к производству смысла и, конечно, ответственное бытие-поступание.

Поступок в этике ответственности – не столько действие, сколько бытийственный акт, раскрывающий причастность субъекта к бытию и принадлежность бытия этому субъекту, акт бытия-события, в котором проявляется и его ответственность, и его субъектность. Поэтому, как обосновывает А.А. Гусейнов, «нравственная философия может быть конкретизирована как философия поступка и является учением о бытии» [6, 5].

Основы такой философии поступка заложены в ранней работе М.М. Бахтина «К философии поступка» [2], которая достаточно детально исследована в отечественной литературе. «Философия поступка Бахтина, – пишет А.А. Гусейнов, – не просто учение о поступке, она претендует на то, чтобы быть первой философией» [5, 12]. Философ отвергал «теоретическое», отчужденное отношение к жизни и познанию и утверждал ответственную причастность человека бытию, его не-алиби-в-бытии, рассматривал поступок как специфический способ бытия, производство бытия-события. «Только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому, и единственному бытию в его конкретной действительности, только на нем может ориентироваться первая философия» [2, 109].

Если поступок суть онтологический акт, то и ответственность за него носит онтологический характер. Мораль в этом случае трактуется как особый – ответственный – способ бытия субъекта, что характерно для всех представителей этики ответственности. Близкой к данной традиции оказывается работа О.П. Зубец «Пролегомены к морально-философскому понятию поступка» [8]. В ней выстроен понятийный ряд моральной философии, основанной на понятии поступка, его онтологии и ответственности субъекта: «*поступок – бытие* – поступающий (*субъект*, начало) – решение – недифференцированность – вневременность – *самодостаточность* – асимметрия – центральность – единственность – *ответственность*» [8, 5].

Методологический индивидуализм в обосновании поступка

Методологический индивидуализм представляет собой принцип, характерный для постклассической этики в целом, и в разных

вариантах реализованный у представителей этики ответственности. Данный принцип изымает морального субъекта из внешнего детерминизма и предполагает, что подлинной причиной морального поступка является индивидуальный субъект, а поступок как авторское проявление является свидетельством его субъектности и выражением ответственности. Моральность заключается не в выполнении норм и следовании ценностям, а в изначальной способности выступать автором событий своей жизни. «Не содержание обязательства меня обязывает, – пишет М.М. Бахтин, – а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание. И в момент подписания не содержание данного акта вынудило подпись, это содержание не могло изолированно побудить к поступку-подписи-признанию, но лишь в соотношении с моим решением брать обязательство, подписанием-признанием-поступком» [5, 118]. Содержание морали может диктоваться внешними обстоятельствами, но само должностное со времен Канта имеет источник только в самой структуре индивидуального субъекта.

Аналогичным образом М.К. Мамардашвили строит свою философию сознания вокруг субъекта, берущего свою жизнь в свои руки, сам ответственный за свои изменения и является их источником, живет свою жизнь как неповторимую, неотчуждаемую, личностную [11, 28, 80, 101–105]. Именно такая жизнь, состоящая из актов поступания, может быть названа нравственной – та, в которой субъект является причиной самого себя. Только в таком состоянии сознания моральные понятия могут иметь смысл.

Нетрудно показать, что этические идеи Ж.-П. Сартра основаны на принципе методологического индивидуализма. Поступок у него состоит в первую (да и в последнюю) очередь в абсолютно свободном выборе индивидуального субъекта, в свободе по отношению к своему бытию, в свободе от объективации со стороны Других. Моральным будет тот, кто, сбрасывая любые внешние определения, остается единственной причиной своей экзистенции как способа бытия, способа поступания, позволяющего переживать жизнь как подлинную.

Понятно, что методологический индивидуализм у авторов этики ответственности не является принципом нормативной этики, не означает эгоистического обособления индивида от общества и другого человека. Это теоретико-методологический принцип, позволяющий обосновать мораль, необходимой и достаточной причиной существования которой является ответственное бытие субъектом каждого отдельного индивида.

Роль Другого в поступке

В феноменологии фигура Другого имеет важное значение при построении онтологии субъекта. В этике ответственности Другой не является причиной моего поступка, однако именно для него он совершается. «Для того, чтобы состоялся любой поступок, необходимы “я” и “другой”» [9, 80]. Причем оба они как моральные субъекты могут трактоваться существенно по-разному. Различная интерпретация фигуры Другого в разнообразных версиях этики ответственности задает понимание его роли в нравственном поступке.

Можно говорить о позитивной онтологии Другого, представленной, например, у М.М. Бахтина. В его раннем фрагменте «К философии поступка» фигура Другого еще не эксплицируется, ее возникновение в опыте Я – только внешнее обстоятельство для обретения этим Я своей субъектности и пробуждения ответственности. Как отмечает А.А. Гусейнов, «в нравственной вселенной Бахтина центром, солнцем, является “я”, из него исходят все лучи. “Другие” – это своего рода планеты, они светят отраженным светом солнца» [5, 14]. Однако впоследствии взаимодействие Я и Другого приобретает у М.М. Бахтина диалогическую вопрос-ответную структуру, в которой речь всегда обращена к Другому и предполагает ответ, а значит и ответственность за порождение совместного смысла при сохранении неслиянных голосов участников диалога. Как показала Е.И. Жук, «позитивная онтология Другого утверждает дружость как принципиальную уникальность или инаковость Другого в качестве позитивного неэлиминируемого фактора смысловой реализации всякой экзистенции» [7, 255].

В негативной же онтологии Другого, например, у Ж.-П. Сартра, Другой не становится источником морального смысла, однако наше существование неизбежно оказывается «существованием-в-мире-в-присутствии других» [13, 519]. Это присутствие Других негативно, оно подчеркивает отчужденность Я от Других и Других от Я, их взгляд - объективирует личность, превращает ее в средство. Поэтому Я вынуждено постоянно бороться за свою субъектность, подлинность своей экзистенции, что достигается перманентным свободным выбором, совершая который, Я осуществляет его и для других, подталкивая их к той же абсолютной свободе. Однако и здесь неустранимое присутствие Другого имеет моральное значение, взаимодействие с ним конфликтно, но необходимо.

Неоднозначную нравственную роль играет Другой и в философии Э. Левинаса [10]. С одной стороны, именно обращенный ко мне Лик Другого требует ответа, а соответственно, пробуждает мою ответственность, мое бытие субъектом и мое мышление-для-другого,

которое не может быть тотализирующим. С другой стороны, как и у Ж.-П. Сартра, первоначальный контакт с Другим вызывает желание его убить, однако Лик Другого заставляет меня задуматься о моем долге. Между тем вопрос о том, обладает ли Другой теми же характеристиками, что и Я, у Э. Левинаса не ставится. В результате этот «совсем другой Другой», которого нельзя уподоблять мне в каком бы то ни было смысле, оказывается непознаваемым, аутичным, ничего не должным, этически неопределенным. Таким образом, нравственные поступки Я оказываются обоснованными исключительно из принципа методологического индивидуализма.

Мысль как поступок

Дискурсивная трактовка морали в этике ответственности делает понятным, что не только акт деятельности, но и акт мышления является поступком, в первую очередь потому, что в контексте феноменологии это один и тот же акт. Категориальная связка «бытие субъектом – ответственное мышление – ответственное поступание» отчетливо прописана и у М.М. Бахтина, и у М.К. Мамардашвили.

«Каждая мысль моя с ее содержанием, – писал М. М. Бахтин, – есть мой индивидуально-ответственный поступок» [2, 158]. Теоретическое мышление, по Бахтину, противопоставляет мыслящего объекту, отчуждает его от его собственной жизни. Мышление же поступающего, «поступковое мышление», мышление как поступок включает всего человека, является проявлением единственной действительной жизни субъекта. Практическое мышление является «мышлением от первого лица», неотчуждаемым от бытия субъекта. «Это ответственно делается каждым познающим, поскольку он принимает ответственность за каждый целокупный акт своего познания, т.е. поскольку познавательный акт как мой поступок включается со всем своим содержанием в единство моей ответственности, в котором и которым я действительно живу-свершаю» [2, 94]. Поскольку у человека нет алиби в бытии, он с необходимостью является ответственным за все свои поступки в любой их форме, чем и укрепляет свою субъектность.

Подобным образом М.К. Мамардашвили, развивая свою философию сознания, в первую очередь озабочен переживанием неотчуждаемой подлинности жизни субъекта. В такой ситуации мышление не является неким абстрагированием от практики, рассуждением в чистых понятиях. Говорение любых правильных слов не является свидетельством мышления. Оно имеет смысл только в контексте свободного поступания субъекта, взявшего на себя ответственность за все акты своей деятельности. Из безответственной, бессубъект-

ной позиции никакое мышление невозможно, в такой ситуации происходит вырождение практического морального дискурса в пустые разговоры о морали, а что еще хуже – в симуляцию нравственности с помощью моральных понятий, за которыми не стоит никакой собственной жизни субъекта. Подлинное мышление в высшей степени морально само по себе, независимо от его предмета, и следствием его становится реальное поведение, имеющее моральный смысл. Субъект несёт ответственность именно за это.

Поступок как элемент коммуникативного дискурса

В феноменологически ориентированной этике ответственности не только мысль и высказывание могут считаться поступком, но и поступок может трактоваться как высказывание в реальном коммуникативном дискурсе. Самим поступком мы сообщаем окружающим о нашей нравственной норме и предлагаем Другому основание присоединиться к ней. Коммуникативные действия в этике дискурса К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса носят именно такой характер. Речевые действия также являются поступками, так как говорение, обращенное к Другому, предполагает ответ и, соответственно, ответственность участников коммуникации.

Предпосылкой моральной коммуникации в этике дискурса является убеждение в том, что Другой способен рационально обосновывать свои нравственные нормы для того, с кем он вступает в общение [15]. Рациональное же обоснование, в свою очередь, позволяет достичь консенсуса относительно универсальных правил человеческого общежития. При этом К.-О. Апель и Ю. Хабермас – специфического рода когнитивисты, настаивают, что сама социальная реальность уже нормативно упорядочена, поэтому нравственные нормы реальны в социальной практике, которая и является пространством развертывания реального коммуникативного дискурса. Собственно же языковые высказывания и нравственные аргументы получают значимость именно благодаря укорененности в совершаемых поступках.

Универсализация нравственного правила предполагает, что каждый участник реального коммуникативного дискурса проверяет прямые и косвенные возможные последствия введения какого-либо правила, и такая проверка проходит не только как мысленный эксперимент, но и в практическом взаимодействии людей. Консеквенциализм этики дискурса явно свидетельствует о том, что нравственный дискурс – это не безответственное произнесение моральных сентенций, но это высказывания, затрагивающие реальные интересы.

Этика дискурса является также и этикой ответственности, так как она создавалась для разрешения наиболее острых проблем современного мира, решение которых является предметом ответственности человечества [1]. Эти проблемы созданы людьми, самим способом их бытия, и должны быть разрешены за счет изменения способа бытия, что включает в себя смену характера коммуникации, переход от стратегических действий к коммуникативным. Этика, с одной стороны, должна состоять из поступков, разрешающих конкретные практические ситуации, предотвращать возможное катастрофическое зло. А с другой – она не существует без формулирования универсальных правил человеческого общежития, которые и выражают нашу ответственность за происходящее и стратегически выгодны для достижения практического эффекта. Взаимопонимание, консенсус и ненасилие, с точки зрения К.-О. Апеля, суть выражение нашей ответственности, они являются характеристиками морального дискурса и реального поступания.

Поступок как внерациональная рефлексия

Еще одной характеристикой онтологии субъекта в этике ответственности является рефлексивность, которая только частично пересекается с рациональностью [3]. Исследования этих категорий показывают, что наряду с хорошо известной рациональной рефлексией, проявляющей себя в научном и философском знании, существует и нерелексивная рациональность – не менее известная интеллектуальная интуиция (например, у Декарта и Спинозы). Наряду с этим, имеет место и внерациональная рефлексия – практическая способность, которая реализуется не только в познании, но и в поступке. Совершая поступки по отношению к Другому, субъект соотносит себя с другими поступающими, с самим собой на предыдущих стадиях своей жизни, и это не только мыслительная операция сравнения и рассуждения. Рефлексия как «обращение назад» представляет собой хорошую пространственную метафору сетевого взаимодействия, когда ответственный субъект, посылая своим поступком сигнал бытию, получает онтологический ответ, указывающий ему «место в бытии», свидетельство о мере его субъектности. Моральная рефлексия и ответственность прямо увязываются и в психологических, и в философских исследованиях. С помощью поступков субъект вступает в коммуникацию с Другим, получает от него ответ и укрепляет тем самым свою нравственную идентичность не за счет рациональной автономии (как у И. Канта), а за счет рефлексивной коммуникации.

Таким образом, в этике ответственности категория «поступок» занимает важное место, так как она увязывается с такими ключевы-

ми категориями этого типа теории морали как онтология субъекта, Другой, рефлексия, дискурс. Поступок здесь трактуется феноменологически, онтологически, дискурсивно, а также на основе принципа методологического индивидуализма. Это позволяет придать поступку значимый категориальный статус и, одновременно, внести в этику поступка значительный вклад, связанный с преодолением противоположности морального действия и морального мышления.

Список литературы

1. *Апель К.-О.* Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ: сб. ст.: В 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. В. Миронова.* М., 2001. С. 47-68.
2. *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985.* М., 1986. С. 82-160.
3. *Беляева Е.В.* «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой блага» и «этикой долга» // *Ведомости прикладной этики.* 2022. Вып. 59. С. 73-92.
4. *Беляева Е.В.* Рефлексивность морального субъекта в этике ответственности // *Дискурсы этики.* 2021. №1 (11). С. 13-34.
5. *Гусейнов А.А.* Нравственная философия и этика // *Этическая мысль.* 2019. Т. 19. № 2. С. 5-16.
6. *Гусейнов А.А.* Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать // *Вопросы философии.* 2017. № 6. С. 5-15.
7. *Жук Е.И.* Онтология Другого в пространстве философско-культурологических исследований // *Философские исследования: сб. науч. тр.* Вып. 10. 2023. С. 249-259.
8. *Зубец О.П.* Прологомены к морально-философскому понятию поступка // *Этическая мысль.* 2022. Т. 22. № 2. С. 5-20.
9. *Коваль Е.А.* Я, Другой, норма // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого.* № 2 (30), июнь 2019. С. 80-86.
10. *Левинас Э.* Заметки о смысле // *(Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С. А. Шолохова, А.В. Ямпольская.* М., 2014. С. 18-38.
11. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию / под. ред. Ю.П. Сенокосова. 2-е изд. М., 1992. 418 с.
12. *Основи психології: підручник / за ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця.* Київ, 2002. 632 с.
13. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М., 2004. 639 с.

14. *Тульчинский Г.Л.* Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.

15. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 382 с.